

Китайская коллизия и империалистический век

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Джулио Мотози “Cronache della via della Seta”.

Ленин переносит в империалистическую эпоху понятие «*исторической коллизии*»¹ – не только социального и политического столкновения, которое исходит извне и потому связано с мировым капиталистическим развитием, но и имеет политическое содержание, которое империализм делает *интернациональным*, что обостряет противоречия в борьбе между фракциями внутреннего плюрализма сил и связанных с ними политических течений. В статье 1908 года “Горючий материал в мировой политике” Ленин утверждает, что влияние со стороны империализмов и русско-японская война подняли китайское «*революционное движение против средневековья*»² на буржуазно-демократический уровень. Это историческое видение наследует взглядам Маркса и Энгельса, начиная с их анализа восстаний тайпинов. В статье “Демократия и народничество в Китае” (1912) Ленин анализирует народническую программу Сунь Ятсена, выявляя её, по сути, буржуазно-демократический, т. е. капиталистический, характер. Ленин рассматривает идеологию и политическую практику Сунь Ятсена «*под углом новых мировых событий*»³. Именно развитие империализма раскрывает истинную природу китайского народничества как агента капиталистического развития в Китае. Именно *коллизия империализма* трансформирует политические течения.

Ленин утверждает следующее методологическое основание: «*Разные страны в своей буржуазной революции проводили в жизнь различные ступени политического и аграрного демократизма, и притом в самых пёстрых сочетаниях. Решит международная обстановка и соотношение общественных сил в Китае*»⁴. Здесь фактору глобального влияния отдаётся приоритет в анализе внутренней борьбы, являющейся политическим выражением столкновения общественных сил в Китае. Изучение связи между “*международной обстановкой*” и “*соотношением общественных сил в Китае*” прочно закрепится в нашем дальнейшем анализе.

В статье 1923 года “Лучше меньше, да лучше” Ленин пишет, что «*ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу*»⁵. Далее он замечает: «*А Восток, с другой стороны, пришёл окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения*»⁶.

Падение последнего китайского императора и первая империалистическая война в Азии завершают семидесятилетний цикл анализа “*исторической коллизии*” в Китае. По мнению Энгельса, изоляция Китая была нарушена Японо-китайской войной (1894–1895). Ленин добавляет к этому Русско-японскую войну 1905 года и в статье 1908 года “Горючий материал в мировой политике” применяет критерий *внешней коллизии* к анализу всей Азии, чтобы указать на формирование *скрытого пролетариата* в Азии, подгоняемое развитием региона: «*У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам*»⁷. Наконец, с началом первой империалистической войны Ленину удалось «*окончательно*» подтвердить предсказание 1850 года об пробуждении Азии и положить его в основу интернационалистической стратегии Октября. В работе “Ленин и китайская революция” (1962) Арриго Черветто прослеживает линию, которая идёт от трудов Маркса и Энгельса, проходит через статьи Ленина о Китае и ведёт к фундаментальным “Тезисам об империалистическом развитии, длительности контрреволюционного периода и развитии классовой партии”, лёгшим в 1957 году в основу стратегии революционного меньшинства, исходя именно из прогноза развития Азии. Подход Ленина основан на марксистском анализе *развития капитализма в империалистической фазе*, которое связывает восхождение буржуазного общества в Азии, отмеченное “якобинскими” и антиколониальными войнами, с противоречиями, которые эти войны могут вскрыть между империалистическими державами. В 1923 году Ленин считал, что Китаю «*нужно успеть цивилизоваться*»⁸, и тогда он станет молодым

националистическим капитализмом, который ускорит темпы развития кризиса империализма. Сможет ли Советская власть в России устоять было связано именно с этим ритмом и, следовательно, со временем, которое потребовалось бы для развязывания «революционным и националистическим» Востоком войны с «контрреволюционным империалистическим Западом»⁹, что открыло бы окно возможностей для немецкой революции в Европе и предоставило бы русской революции *вторую отсрочку* для выхода из изоляции.

Однако развитие Азии будет происходить медленнее, азиатская буржуазия будет слабее, реализация стратегии займёт больше времени, чем ожидалось, а подход Ленина будет потерян в сумраке сталинских репрессий и контрреволюции 1920–1930-х годов. Наличие долгосрочной стратегии – это самое трудное завоевание для поколений марксизма.

Маркс и Энгельс открыли развитие Тихого океана, проанализировав революционные кризисы в Европе и причины их перерастания в новый виток развития – кризис, распространившийся на мировой рынок. Ленин связывал перспективы Октября с революцией в Европе и развитием Азии. Чтобы решить вопрос о кризисе империализма в послевоенный период, не впадая при этом в идеалистическое нетерпение, необходимо было строго материалистически вернуться к теории развития, доработанной Лениным для империалистической фазы. Это и было сражение за “Тезисы” 1957 года: империалистические противоречия между “развитыми” странами нашли своё разрешение в послевоенном расширении мирового рынка; индустриализация афро-азиатских и латиноамериканских рынков обусловила неравномерное развитие империализма и отодвинула кризис в метрополиях. *«Без точного понимания положения на мировом рынке и перспектив его развития нельзя ни понять характер современного контрреволюционного периода, ни определить линию поведения и задачи революционного меньшинства»*¹⁰. Понимание того, как будет распространяться капиталистический способ производства, что Ленин сделал в диалектической концепции *империалистического развития*, имеет решающее значение для выбора типа партии, подходящего для долгосрочной перспективы.

Исследование экстенсивного и интенсивного развития в послевоенный период являлось постоянной частью стратегического анализа. В июле 1960 года Черветто писал, что *«промышленное развитие [Китая] приведёт его к выходу на сцену в качестве величайшей империалистической державы»*¹¹. Вывоз капитала из метрополий, ускоряющий развитие Азии, подчёркивал неравномерные и противоречивые характеристики *империалистического развития*: мировой рынок становился питательной средой для *новых держав*, новых центров перепроизводства капитала, но это означало, что послевоенный порядок неизбежно породит новых игроков, которые его взорвут. В случае Китая мы имеем величайшее подтверждение марксистской теории международных отношений: империализм не может гарантировать баланс сил в долгосрочной перспективе. Нет лучшей гарантии для великой революционной борьбы, начатой Марксом и Энгельсом.

Черветто сравнивает смещение центра тяжести мировой торговли в Азию с тем, что происходило в шестнадцатом веке, который вызвал к жизни капитализм и первый *«резкий поворот»* мировых течений. Примерно через полвека после публикации “Тезисов” вторжение Китая откроет *новую стратегическую фазу*, возвестившую о кризисе империалистического порядка, установленного второй мировой войной.

Финансовый кризис 2008 года ускорил эти тенденции, став потрясением для старых держав и для общественного мнения. Пекин начал реструктуризацию промышленности после 40 лет высоких темпов роста, но вторжение нового гиганта в результате *«кризиса глобальных отношений»* сказалось в первую очередь на стратегическом уровне. В Пекине даже обсуждалось, не вынудил ли 2008 год Китай выйти на передний план вопреки его стратегическим намерениям. Однако с объявлением в 2017 году программы перевооружения *«мирового уровня»* и намерением к 2035 году построить *шесть авианосцев “Дракон”* Китай открыто заявил о своих планах на будущее.

Все столицы империализма в ответ ринулись перебирать свои арсеналы; цикл беспрецедентной напряжённости, вызванный восхождением нового китайского Левиафана, вновь ставит в повестку политического развития и практики государств вопрос войны между великими державами – прямой или опосредованной.

Впервые в мире результатом коллизии империализма – вторжения китайской державы – стали потрясения таких колоссальных масштабов. Только марксизм мог задолго до этого предвидеть такую диалектику *«исторической коллизии»* и на протяжении двух столетий удерживать внимание на *«любопытное будет зрелище: Китай вызывает потрясения в западном мире»*¹².

Сегодня все важные тенденции – *новая стратегическая фаза*, 2020-е годы непрерывного перевооружения, марш “сомнамбул” империализма – требуют научной точности и политического внимания при оценке диалектики *единства и раскола* между державами и возможных *ритмов кризиса порядка*. И в Вашингтоне, и в Пекине на самых высоких уровнях рассматриваются оба сценария – катастрофическая война или китайско-американские стратегические переговоры за счёт других держав, с помощью других держав или путём натравливания других держав против своего противника. Циркулирующая в китайских мозговых центрах формула *«две руки против двух рук»* удачно резюмирует это нестабильное состояние, в котором обе сверхдержавы готовятся к столкновению и угрожают его разрушительными последствиями, заявляя о намерении его предотвратить или по крайней мере отсрочить.

Однако с каждым новым шагом эта динамика приобретает черты неуправляемости и неотвратимости. Вашингтон окружает Китай сетью “мини-латеральных” военных альянсов и размещает ракеты средней дальности в Азии; Пекин укрепляет острова Спратли и Парасельские острова в Южно-Китайском море и модернизирует свой ядерный арсенал до новых масштабов, обеспечивающих *достаточную защиту*. В наших “Хрониках Шёлкового пути” мы рассматриваем дилеммы войны, обсуждающиеся китайскими течениями. В 2022 году мы отмечали: *«Систематическое исследование плюрализма политических линий китайского империализма показывает скорее сосуществование, чем чередование, военных и мирных средств, но также и изменение пропорции между ними»*. Перевооружение постепенно навязывает себя всем политическим течениям, как минимум в качестве гарантии против любой возможной региональной или глобальной военной комбинации.

Буржуазия не исключает крупной войны в ближайшие десятилетия. Революционная стратегия рассматривает альтернативные гипотезы затяжного кризиса империалистических структур или их быстрого краха, разрушительную цепь региональных конфликтов или мировую войну, а между двумя крайними случаями – весьма широкий спектр промежуточных вариантов. В китайской дискуссии *«мировая война»* представляется более вероятной, чем ранее, но пока не неизбежной. Азиатская война – настоящая загадка *«новой эры»*, открытой Пекином. Однако китайские империалисты осознают, что они бросили вызов веку американского доминирования и пяти векам мирового господства Запада. Это будет невиданное ранее столкновение правящих классов.

Ноябрь 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 74.

² - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 17. С. 179.

³ - Там же. Т. 21. С. 400.

⁴ - Там же. С. 406.

⁵ - Там же. Т. 45. С. 402.

⁶ - Там же. Т. 45. С. 403.

⁷ - Там же. Т. 17. С. 179.

⁸ - Там же. Т. 45. С. 404.

⁹ - Там же.

¹⁰ - Черветто А. Унитарный империализм. Т. 1. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 520.

¹¹ - Там же. С. 595.

¹² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 103.